

**Из истории психоанализа:
неизвестное прошлое**

**АРОН ЗАЛКИНД.
МАНИФЕСТ СЕКСУАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ**

А.А. ПРУЖИНИНА

Представляется весьма важным и даже поучительным обратиться к осмыслению творческого наследия Арона Залкинда, оставившего заметный след в отечественной невропатологии и педологии, психоанализе и психологии. Попытки проследить его творческую биографию предпринимались рядом исследователей¹. Но сказать с уверенностью, что она близка к завершению, а тем более — написана, никак нельзя, и удастся это, по всей вероятности, не скоро... Подтверждение тому, в частности, — представленные в данном блоке статей новые документы.

Начнем, пожалуй, с конца биографии А. Залкинда. Его жизнь трагически оборвалась в 1936 г., и ее цель и смысл ученый сформулировал еще в далекой дореволюционной юности в своем личном программном манифесте — *перевоспитать все человечество*. Это была не столь, на его взгляд, утопичная задача. Свою миссию врача, а тем более невропатолога, который сталкивается с изломами и не столько физическими, сколько, главным образом, душевными, он определил так — помочь человечеству быть чуть счастливее. Только нужно было найти для этого путь. И, как полагал Залкинд, он был найден.

В 1933 г. (!) в Большой советской энциклопедии выходит статья о А. Залкинде, в которой он квалифицируется как «педолог, врач-психоневролог, автор работ по вопросам педологии, психологии и педагогики, чл. ВКП(б)»; «один из учредителей общества психоневрологов-марксистов. Его работы по проблемам трудового детства и сексуальной педагогики заслуживают всяческого внимания»; «уклон в сторону механистического понимания учения об условных рефлексах и тяготения к фрейдизму». Эта сухая информационная справка для многих так и останется справкой. Но за этими словами скрыты смыслы всей его жизни.

С чего же все начиналось? Начало прошлого столетия, и особенно 20 — 30-е годы, во многом стали поворотными в истории психологических исследований. В Советской России, практически сразу после окончания Гражданской войны, в начале 1923 г., собирается I Всероссийский съезд по психоневрологии, где констатируется, что за прошедшие годы в данной области отечествен-

ной науки наблюдался прогресс, поднявший ее до уровня «других культурных стран». И прогресс, как подчеркивалось, был достигнут благодаря расширению области прикладной психологии — окрепли педагогическая психология и педология, развивалась криминальная психология, сложился ряд исследовательских направлений, тесно связанных с задачами научной организации труда, в частности, психотехникой².

Съезд зафиксировал также новую, принципиально иную, по сравнению с дореволюционной, структуру психоневрологических исследований. Хотя в работе съезда далеко не второстепенную роль играли выступления представителей традиционной «философской» психологии, все же внимание было приковано главным образом к исследованиям по преимуществу практического толка — *психоанализу, педологии, психотехнике*.

И совершенно не удивительным было то, что уже через год, в 1924 г., когда в Петрограде собрался II психоневрологический съезд, в центре всеобщего внимания была психоаналитическая тематика. Подчеркнем, что психоанализ был воспринят благосклонно не столько как медицинская, терапевтическая практика, хотя у его истоков стояли именно психоневрологи, психиатры, земские врачи, но в первую очередь как практика социально-гуманитарная, как определенный тип терапии, выполняющий и определенные социальные и культурные функции. Практический, утилитарный интерес скрывался и за методологическими установками психоаналитических исследований. Российские психоаналитики с самого начала понимали, что основанная на психоанализе терапия имеет целью восстановить душевное равновесие индивида. Но при этом само обращение к индивиду имело для них очевидное социокультурное значение, и они шли к пациенту, осознавая, что **его проблемы имеют и общественный смысл**.

А. Залкинд был достаточно влиятельной фигурой как в своей профессиональной среде, так и в формирующемся отечественном психоанализе. При этом его интересовали прежде всего не теоретические разработки, а возможности практического применения концепции. У него был еще один путь непосредственного погружения в социальную среду — через педологию, задачи которой в 20 — 30-е годы были определены, как задачи науки о ребенке, — формировать, обучать, воспитывать нового человека. Оригинальность подхода А. Залкинда была в том, что в качестве важнейшей составляющей общего воспитания, находящейся в центре теоретических исследований и практических применений, он видел половое воспитание.

С психоаналитической концепцией Фрейда А. Залкинд, как и многие дореволюционные земские врачи, был знаком не понаслыш-

лышке. Более того, он принадлежал к группе специалистов (Ю. Каннабих, Л. Белобородов, Н. Осипов) во главе с Н.А. Вырубовым — врачом-психиатром, основателем уникального издания «Психотерапия (обозрение вопросов психического лечения и прикладной психологии)», выходявшего с 1910 года и основное направление которого можно было бы определить как психоаналитическое.

Ярким примером его непосредственного погружения в политическую практику был предпринятый Залкиндом, как он сам называл, социально-биологический анализ отрицательных сторон партии. В 1925 г. он опубликовал работу, которая называлась «О языках Р. К. П.»³. Безусловно, называть эту работу психоаналитической было бы большой натяжкой. Да, наверное, сам Залкинд вряд ли бы согласился с таким предположением. Сам он назвал эту масштабную по замыслу, глубокую по сути и наивную по форме работу **схематической**. Кратко, резко, внятно и совсем не пореволюционному — эмоционально, с горечью и болью, он демонстративно обнажает круг проблем, на которых должно быть заострено внимание партии.

Вряд ли кто с большим пониманием, нежели Залкинд, смог бы вчувствоваться в проблемы той категории людей, которых сотрясал мощный взрыв эмоций (чувствований) в совершенно новой стране, находящейся уже не в революционно-военных условиях, начавшей жить по каким-то новым законам и правилам, с какими-то своими, иными целями и задачами. А. Залкинд писал о той категории людей, которых он считал крупнейшей движущей силой революционного (и контрреволюционного) исторического процесса, эмоциональный послереволюционный порыв которых не находил применения, выхода, не встречал со-чувствия, со-понимания со стороны других. Другими были и общество, и государство, и отдельные группы людей, и отдельные индивиды. И все они должны были столкнуться и столкнулись с асексуальным поведением, как мужчин, так и женщин, растерянных и потерянных... Такие последствия были не только обозначены, классифицированы А. Залкиндом. Для него современники, включая партийную «элиту», по сути, — пациенты. И «болезни» их вызваны социальными причинами, внешними обстоятельствами, личной повседневной необустроенностью, соответствующим вытеснением, сублимированием, замещением. Здесь А. Залкинд выступал как «врач партии», проводя «ревизию» того контингента, который называл бродилом общества, вызвавшим его критическое состояние.

Еще в 1913 г. в своей сразу замеченной статье — «К вопросу о факторах, сущности, терапии психоневрозов»⁴ — в поисках при-

чин психоневротических заболеваний он концентрирует свое внимание на таком факторе психической жизни, как сексуальность. Да, соглашается он с Фрейдом — психосексуальные влечения вступают в конфликт с остальным душевным миром невротика. Но являются ли они доминирующим фактором в психической жизни индивида? И только ли здесь надо искать первоисточник страданий невротика? Ведь в таком случае весь душевный облик личности окажется выкроен по масштабу его сексуального «я». Но тогда как быть с иными факторами — питания, самосохранения, социальными факторами, наконец?

Было бы странным увидеть в А. Залкинде противника фрейдовского понимания сексуальности, но и без критико-рефлексивной оценки он его не мог принять. Определенно одно — Залкинд ставит акцент на другом, нежели Фрейд: не на сексуальном типе личности, а на сексуальной морали. Именно она, как часть общего морального склада личности, является источником невроза. Сексуальное — равноправный компонент, равноценный с другими источник морали общей. Этот тезис он проносит через все свои выступления, через все свои статьи на протяжении своей жизни.

Вместе с тем А. Залкинд был согласен, что сексуальное — отнюдь не «равноценно» другим факторам в происхождении невротических заболеваний, что оно занимает значимое место в душевной жизни индивида любого возраста. Он видел в сексуальном важную, не до конца объяснимую и тем самым — опасную силу в формировании личности, интенсивно взаимодействующую с конкретными историческими, социокультурными реалиями, практико-идеологическими запросами...

Что касается идеологически и практически дезорганизованных людей (о которых он писал в «О язвах Р.К.П.»), направлявших свою богатую эмоциональность в сторону «полового прорыва», он выделил их в отдельную, особо хрупкую, группу, и писал о том, что следовало бы озаботиться о скорейшей сублимации их эмоциональности, т.е. подумать «о переводе ее снова на революционно-творческие рельсы». Помочь надо изголодавшимся не только «по чувственной стороне любви, но и по лирической (“эротической”) ее части, — “тоскующих в одиночестве”, любовно пришибленных и пр.». И только признание тесной связи между «сексуальностью, в ее исчерпывающем понимании, и социальностью, и понимание между ними глубочайшей функциональной зависимости», позволяет ему говорить, что один из важных вопросов парт-гигиены, а то и партэтики⁵ (может быть, Залкинд был одним первых и немногих, кто заговорил о нужности ее, о необходимости ее разработки) как раз и состоит в том, чтобы поймать эту зависимость и управлять ими.

Можно сказать, что если бы этого очерка, вызвавшего тогда у многих неприятие, и даже агрессию, а сегодня — вызывающего легкую иронию, снисходительную улыбку, не было, то его следовало бы написать. В медицинских и психоаналитических терминах, ярко и не без художественного воображения, А. Залкинд прописывает проблемы, затрагивающие самые основы партийной работы — ее недостатки, проявляющиеся в работе с массой, характеризует их как «биологические минусы» партии и надеется на ее благоразумие, которое позволит партии не бояться обнаружить свои болячки, если не гнойники.

Почему это так важно для понимания позиции Залкинда в контексте обсуждения проблематики, которая практически полтора десятилетия, как сказали бы газетчики, не сходила с первой полосы в тот период? Годы войны и революции создали в стране фактически кризисную ситуацию в сфере, касающейся здоровья населения. А конкретно-исторический момент требовал решительного практического поворота, требовал практических рекомендаций по оздоровлению населения. Созданный в 1918 г. Наркомздрав сразу взялся за внедрение широкомасштабной программы санитарного просвещения населения, была сформирована целая отрасль санитарной пропаганды, ставившая в качестве первоочередной своей задачи половое просвещение, с которой по масштабности и значимости мало что могло сравниться. Одной из самых болевых, тяжело поддающихся решению проблем была проблема сексуального здоровья того самого населения, которое и призвано было построить новое общество. Насколько эта задача была масштабна и важна, говорит хотя бы тот факт, что это направление санитарного просвещения вобрало в себя предписания по всем аспектам человеческой сексуальности с момента достижения половой зрелости и до последних лет репродуктивной жизни. Использовались даже самые примитивные, но точно попадавшие и эффективные на тот момент, такие просветительские техники, как плакаты. Они были понятны и брали на себя функцию «визуальной репрезентации здоровья» среди безграмотного и в значительной массе своей не совсем здорового населения⁶.

Попытки регулировать социальную политику в области сексуальности, задачи перестройки «половых отношений» совершенно естественно вплелись в общую задачу построения нового общества новыми людьми⁷. В партийной печати по этому вопросу выступали первые лица государства, партии, представители различных общественных организаций, в том числе и женских.

Таким образом, выступление Залкинда в середине 20-х годов с серией программных работ по вопросам полового воспитания отнюдь не было случайным. То, что после выхода статьи «Поло-

вой вопрос и красная молодежь СССР» по просьбе различных просветительских организаций, в частности, московского пролеткульта, Залкинд публикует очерки «О классовом подходе к половому вопросу» и «О нормах полового поведения с классовой точки зрения» не было и не могло быть делом частным. И длившиеся два года дискуссии по половым вопросам по этим материалам — еще одно тому подтверждение. Все эти публикации вызвали мгновенную и неоднозначную реакцию. В «Правде» (1924, № 241; 1925, №187; 1926, № 20), в «Известиях ЦИК СССР» (1925, № 1), в «Красной молодежи» (1925, № 1), в «Книгоноше» (1925, № 42) незамедлительно появляются рецензии, и то, что отклики носили в большей степени критический характер, и что именно так строились дискуссии в этот период, было естественно. Темы дискуссий ведь не были придуманы или надуманы, и далеко не все диспутанты были искушенными спорщиками, не все могли похвастаться знаниями истории и теории вопроса, и вряд ли готовы были со всей глубиной и ответственностью рассуждать о половом воспитании.

Предпринятая Залкиндом попытка выработать новую, марксистскую модель полового поведения опиралась на идеологическую позицию, согласно которой не должно было в новых условиях ограничиваться старыми неврологическими толкованиями того, что происходит в «организме молодежи». Иными словами, разъяснял Залкинд, нельзя подходить к нервно-психическим процессам у молодых людей исключительно с «докторским молоточком и микроскопом, *без всестороннего учета совершенно нового содержания среды, ее окружающей, без анализа внутреннего содержания ее совершенно специфических, неизвестных пока неврологии, переживаний*»⁸. Эта позиция была сформулирована еще резче: «Октябрьская революция проделала чрезвычайно сложную ломку в идеологии масс, достаточно сложные сдвиги вызвала она и в психофизиологии. Меняющаяся социальная среда изменяет не только сознание, но и организмы»⁹.

Залкинд никогда не был абстрактным теоретиком, не был он и фигурой молчаливой — его выступления на съездах, конференциях — психологических, педологических, были яркими, эмоциональными и, при всей видимой горячности, они были жестко структурированы. Эта черта проявлялась везде и во всем, о чем бы ни шла речь. Впрочем, если быть точным, речь всегда шла об одном и том же. На протяжении всей своей практической деятельности свое предназначение врача — и в прямом и в метафорическом смысле — он выполнял не просто добросовестно, он жил этим, и жил этой жизнью вместе со своим «контингентом» со всеми его проблемами.

В 1926 г. Залкинд читает курс лекций по половому вопросу на центральных педологических курсах при Наркомпросе. Матери-

ал этих лекций накапливался долгие годы, как пишет он сам, с 1919 г., и читался среди широких педагогических и врачебно-педологических кругов. По настоянию Отдела подготовки персонала Наркомпроса он объединяет их и издает отдельной книгой под названием «Половое воспитание».

Как проводить половое воспитание? Как связать половое воспитание с учебно-воспитательной работой? Как быть со школьным флиртом, с детским кокетством, с влюбчивостью ребят, с их онанизмом, порнографией, с вопросами на половые темы? Каково место врача в области полового воспитания, каковы его права и обязанности в этой ответственной части педологии? Отвечая на эти наиболее часто задаваемые вопросы, Залкинд пишет:

а) Нет особого, специального полового воспитания, оторванного от обычной учебной и воспитательной работы.

б) Нет ни одного момента учебно-воспитательной работы, где бы ни включался в той или иной степени элемент полового воспитания.

в) Нет ни одного возраста детства, где в той или иной степени не учитывался бы среди других факторов воспитания также и половой фактор»¹⁰.

Так на что же, по мнению А. Залкинда, следует обратить внимание? На то, что *предвестники* половой жизни появляются у ребенка *зادолго* до того периода, когда он уже вполне созревает в половом отношении. На то, что следует учитывать болезненные отклонения в половом поведении детей в разные этапы его развития, особенно в переходный. На то, что серьезным фактором формирования полового поведения являются чуть ли не все дисциплины — обществоведение, естествознание и смежные с ним науки, искусство, а также труд, физическая культура, пионерская работа и пр.

Все эти вопросы могли бы быть заданы именно в такой формулировке и сегодня. Впрочем, и ответы на некоторые базовые вопросы мы могли бы найти, предварительно «профильтовав» — не будем считать, сколько раз менялись за это время лики страны, менялся «контингент» — в его работах. Мы — это педагогические работники и родители, мы — это чиновники и врачи, мы — это сексологи и психологи, мы — это просто рядовые рода человеческого. Что же мешает сегодня взяться за развитие этой темы?

В конце 1923-го года А. Залкинд писал: «Марксистский пересмотр психофизиологии, психофизиологическое обоснование марксистской педагогики, биологический анализ РКП(б), основы коммунистической этики, сексуальности и пр. — вот вопросы, прорабатываемые мною сейчас... В этой же области знания у меня очень крупные и вполне оригинальные... и перспективы научных открытий в этой области у меня большие. Только бы успеть».

- ¹ См., в частности: *Лейбин В.М.* Репрессированный психоанализ: Фрейд, Троцкий, Сталин // Российский психоаналитический вестник. 1991. № 1. — С. 32 — 55; *Пружинина А.А., Пружинин Б.И.* Из истории отечественного психоанализа (Историко-методологический очерк) // Вопросы философии. 1991, № 7. — С. 87 — 108; *Овчаренко В.И., Лейбин В.М.* Антология российского психоанализа. Т. I — II. — М., 1999; *Пружинина А.А., Пружинин Б.И.* Психоанализ в России — между прошлым и будущим // Вопросы философии. 2000. № 10. — С. 20 — 26; *Маглыш И.В.* Почему запрет? О причинах сопротивления психоанализу в Советской России // Часопис. 2005. № 1 (6). — С. 111 — 124; *Психоанализ: новейшая энциклопедия* / Сост. и общ. ред.: В.И. Овчаренко, А.А. Грипанов. — Мн.: 2009.
- ² См.: Психологический журнал. 1989. № 2.
- ³ См.: *Залкинд А.* О языках Р.К.П. // Вопросы философии. 1991. № 7.
- ⁴ См.: *Залкинд А.* К вопросу о факторах, сущности, терапии психоневрозов // Психотерапия (обозрение вопросов психического лечения и прикладной психологии). 1913. № 1 — 6.
- ⁵ См.: Партийная этика: Дискуссии 1920-х годов. — М., 1990.
- ⁶ См. подробнее: *Бернштейн Ф.Л.* Представления о здоровье в революционной России: гендерная политика в плакатах по половому просвещению в 1920-е годы // Визуальная антропология: режимы видимости при социализме. — М., 2009. — С. 215 — 244.
- ⁷ Подробнее см.: *Пушкарев А., Пушкарева Н.* Ранняя советская идеология 1918 — 1928 годов и «половой вопрос» (о попытках регулирования социальной политики в области сексуальности) // Советская социальная политика 1920-х — 1930-х годов: идеология и повседневность. — М., 2007. — С. 199 — 227.
- ⁸ *Залкинд А.* Революция и молодежь. — М., 1925. — С. 5.
- ⁹ *Залкинд А.* Половой вопрос в условиях советской общественности. — Л., 1926. — С. 8.
- ¹⁰ *Залкинд А.* Половое воспитание // *Залкинд А.* Педология. Утопия и реальность. — М.: АГРАФ, 2001. — С. 143.

Аннотация

В 20-е годы Залкинд предпринимает попытку построения модели полового воспитания. Он предлагает регулировать социальную политику в области сексуальности, встроить задачи перестройки «половых отношений» в общую задачу построения нового общества новыми людьми.

Ключевые слова:

Сексуальная мораль, половое поведение, психоанализ, педология, психоневрология, Залкинд.

Summary

In twenties, Zalkind tried to build up a pattern of sex education. He suggested that the social politics concerning sexuality should be regulated to integrate the tasks of refurbishing of «sexual relationship» into general task of making of a new society by new people.

Keywords:

Sexual morals, sexual behavior, psychoanalysis, paedology, psychoneurology, Zalkind.